

Жидкость коснулась его лодыжек, ощущение одновременно освежающее и тревожащее своей холодной непосредственностью. Она проплыла мимо его ног, сплетаясь между пальцами, чтобы обхватить грудь, прежде чем медленно, неохотно отстраниться. Поток его ухода привел его сознание в туманную ясность. Он позволил ему вернуться, войти и выйти, войти и выйти, дрейфуя вместе с движением, позволяя тянуть и толкать его, как ему заблагорассудится.

Сухие веки нерешительно хрустнули, когда мышцы напряглись, выводя его на свет. Что-то упало с его спины, когда он полностью открыл глаза, чтобы увидеть, что он лежал на пляже. Вода скользит, как масло, по черному песку, небо окрашено в разные цвета - от оранжевого до синего и пурпурного. Густые, дымчатые облака проносятся по небу, и высоко вверху звезды рассыпаются по небу, встречая свое отражение в воде, которая простирается перед ним, бесконечная. Вот он сидит, холодные волны поднимаются и отступают, приглашая его присоединиться к бездне за ней.

Он сидел там, позволяя черным водам и эфирным сумеркам омывать его. Где же он был? Он попытался вспомнить что-нибудь до пляжа и тихого плеска волн, но ничего не приходило в голову. Он напрягся на границе своих воспоминаний, но только малейшие намеки на звуки и образы танцевали в его подсчетах. Медленно, осторожно он поднялся, черные гранулы уплыли от него, чтобы воссоединиться с их братьями и сестрами. Повернувшись на каблуках, он пошел вдоль берега, песок пробивался между его пальцами.

Так он и шел, не видя ничего, кроме бесконечной череды черных дюн слева и стеклянной поверхности справа. Он не знал, как долго шел. Казалось, ничто не изменилось - волны накатывали и отступали, пески стояли неподвижно, а безмолвные звезды над головой бесстрастно смотрели на них. Когда он шел по песку, над водой и пляжем поднимались тонкие арки затененных скал, но он оставил их позади.

Было ощущение пустоты, чего-то потерянного, что находится сразу за следующей черной дюной. И он двинулся вперед, не чувствуя ни потребности в пище, ни в воде, ни усталости, только ностальгическое желание прогуляться по пляжу. Иногда он останавливался, чтобы присесть и окунуть ноги в воду, скорее из мимолетной прихоти, чем из-за чего-то еще. Он всегда возвращался к своему путешествию и никогда не уходил далеко. Было ощущение, что если он рискнет выйти в спокойный океан, то уже никогда не вернется. Оно не было зловецким, скорее даже приветливым, но что-то удерживало его, какое-то нежелание.

Прошло какое-то неопределенное время, когда он впервые услышал тихое всхлипывание, донесенное каким-то ветерком, которого он не чувствовал. Это был неудачный перерыв в тишине этого места, что-то, что не принадлежало ему. Он повернул налево, как ему показалось, и направился через холмы. Каким-то образом, независимо от того, как далеко он шел, ему всегда казалось, что океан был прямо позади него. Он карабкался вверх и вниз, вверх и вниз, и звездный свет серебрил очертания дюн. Рыдания то появлялись, то пропадали из слуха, иногда почти неразличимые, но никогда не исчезали совсем на фоне волн.

Рыдания, в которых его мир, его цель, что-то существенное в нем, когда он шел через дюны, сливались с ним. Он продолжал идти, несмотря на кажущуюся бесконечность дюн. Прошло ли вообще время? - Подумал он, переваливая через гребень и спускаясь по склону еще одного холма в вечной пустыне. Он не чувствовал ни жара, ни холода, ни восхода солнца, потому что свет не менялся. Даже если бы он мог почерпнуть какие-то знания из звезд наверху, он не помнил ни одного такого созвездия, чтобы сделать это.

Но потом появилось что-то новое, новое место. Перед ним песок скатывался в скалу, темные дюны уступали место более темным деревьям, лес, который кровоточил в пустыне. Небо

изогнулось в миазмах движущихся туманов и затемненных огней, еще больше скрывая деревья в бесформенных пустошах. Атмосфера почти неуловимо изменилась - теперь она была почти враждебной в своей утонченности. Даже если бы этого не произошло, он не стал бы продолжать дальше.

Граница между этими двумя местами была замкнутой и далекой, несмотря на кажущуюся непрерывность, как будто между песком и скалой зияла огромная пустота. Дело было не столько в том, что он не хотел идти, сколько в том, что он не мог, несмотря на отсутствие видимого барьера между ним и деревьями.

На опушке леса, свернувшись калачиком, сидела маленькая фигурка. Их спина была бледной в полутьме, обрамленная прядями волос такого синего цвета, что они могли бы быть почти черными. Тело сотрясалось в тандеме с рыданиями, которые эхом отдавались в его мире, волосы мягко подпрыгивали, когда ее плечи качались, руки сжимали ее лицо.

Ему хотелось позвать их, спросить, почему они плачут, остановить этот источник беспорядка в душной тишине этого места. Его пальцы были там, где последние потоки песка, всего в нескольких шагах от скалы и леса, и все же .....

Он просто не мог пересечь границу. Что-то стояло у него на пути, вне пределов пространства и времени, как будто мир свернулся перед ним, чтобы он никогда не смог добраться до этого леса. Так он и стоял, потянувшись в одну сторону к плачущей девушке, а в другую - к зову пляжа. Время шло, и звуки того, что могло быть горем или печалью, окружали мир, в котором он очутился. Он сидел на песке, слушая этот нежный, ужасный хор.

Затем за его спиной раздался еще один голос, если такое постоянное направление имело здесь хоть какое-то значение. Слова были сделаны из чего-то более острого, чем сталь, более темного, чем ночь, отрываясь от реальности резкими слогами.

- Ты, - сказали они, и в каждом слове сквозило презрение.

- Ты-это не мы! Теперь это были уже несколько голосов, мужских и женских, высоких и низких, сливающихся во враждебную мелодию.

Он повернулся лицом к внезапному пересечению звуков, чтобы обнаружить пляж за своей спиной, вода теперь пульсировала маленькими волнами. Там, наполовину погруженная в воду, стояла огромная и ужасная тварь, характер которой он не мог разглядеть. С первого взгляда он выглядел почти как движущийся цветок, элементы которого разворачивались подобно лепесткам со светящимся светом, который разрушал темноту пустыни.

Глаза выростали и исчезали, поднимая чучело, устремляясь на него, рассекая само его существо, когда они бросали свой взгляд. Пустыня расступилась перед ним, открывая истинный масштаб того, что лежало в основе мира, пряди, вьющиеся в корнях деревьев, щупальца, цепляющиеся за любые нити пространства, а в его сердцевине... такое злое пламя, похожее на яростную звезду, подобного которой он никогда не видел. Он цеплялся за границы огромного сооружения, ненависть и презрение пульсировали от него, как волны жара.

Она тянула его, требуя какой-то мрачной награды от незнакомца, стоявшего посреди нее. Он чувствовал, как его собственные эмоции сливаются с этой тварью, ее глубинная ненависть постепенно становится его собственной. Несмотря на его протесты, он не мог отрицать этого - его сокрушительная хватка была непроницаема.

Затем раздался пронзительный крик на бесчисленном множестве голосов и тысяче языков.

Набор слов, которые он мог понять, эхом отдавался в его голове, прежде чем затеряться в хаотической статике.

- запах

- их запах

-их аромат

-огненный огонь

...Мы сгорим!

С этим последним криком его собственная душа начала потрескивать, когда голодный жар начал следовать вдоль нее, неизвестная боль поглощала его, когда существо обвилось вокруг него. Оно достигло такого ужасного крещендо, что он почувствовал, как растворяется в тех самых дюнах, которые, возможно, были под ним. Вопли существа резонировали в трещине реальности, открываясь в черную пустоту внизу, которая угрожала затянуть его внутрь. Это было бесполезно, он должен был быть уничтожен, полностью и бесповоротно, втянутый в зияющую перед ним дыру.

Нота пульсировала в ненасытном пространстве, простая, одинокая, высокая и чистая. Затем последовал еще один, и еще, меняя высоту тона, затем целая серия. Песня, которая звучала сладко, с гораздо большим количеством слоев и гармоний, чем должен был бы позволить один голос. Дрожащие края дыры в мире прекратились и медленно, очень медленно, сморщились и слились воедино. Завеса черного песка опустилась на массивное извивающееся существо, теперь безмолвное и неподвижное. Глаза закрылись, лепестки сложились, и он превратился в простой черный силуэт, исчезающий в воде, в которой он стоял.

Он лежал там, испытывая огромное облегчение, когда его тело нашло убежище в песне, которая теперь плыла между песком и небом. Наконец он позволил себе подняться и посмотреть в лицо певцу, который спас его от темной твари в воде.

Она лежала на песке, совершенно спокойная, с длинными конечностями, так идеально сложенными, что это, должно быть, была просто статуя, но нет. Они двигались с такой грацией, что ни одна резная фигура не смогла бы этого сделать. Ее руки замерли, когда пара глаз, которые могли быть выкованы из звезд и ночи наверху, пристально посмотрела на него. Простая белая одежда, которую она носила, лежала на песке, делая ее намного больше, чем она могла бы быть. Это было первое впечатление, которое он произвел на нее - масштаб, личность настолько огромная, что ты чувствуешь себя ничтожной во всех отношениях.

Второе впечатление - мастер, тот, кто знает все и вся вокруг нее, и может подчинить их своей воле. Пляж извивался позади нее, его воды болезненно манили, а созвездия, казалось, обвивали ее голову. Все пространство сосредоточилось вокруг нее, изгибаясь и изгибаясь. В воде за ее обнаженными плечами стояла фигура, и он знал, что эта фигура была источником ужасной пустоты, которая жила внутри него. Он направился к краю пляжа, но обнаружил, что не может этого сделать, как бы ни старался. Это место двигалось под ним и вокруг него, лишая его доступа к воде.

- Тебе здесь не место. - Сказала она, и последнее слово плавно перетекло в другую серию нот. Когда она говорила, звезды, волны и песок говорили с ней, создавая величественную гармонию, которая говорила ему, что было и что должно быть. Свет, запахи, прикосновения - все вернулось к нему. воздерживаться. Его звали... Эфрейн.

Его третье и последнее впечатление было связано с печалью, которая жила между звездами в ее глазах. Прежде чем он успел что-то сделать, сказать, мир отстранился от него, когда ее песня затихла, и он снова оказался в темноте.

<http://tl.rulate.ru/book/35048/1140782>